

УДК 398.22

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-209-215

Формульные выражения, связанные с описанием женской красоты, в эпосах монгольских народов

© *Николаева Наталья Никитична*

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: natanika80@mail.ru

В статье рассмотрены устойчивые формульные выражения описания женской красоты в эпосе монгольских народов. Выявлены константные формулы, характерные для бурят, калмыков, ойратов, халха-монголов в целом и для каждого народа в частности. Определено, что наибольшей развернутостью, подробностью и детализацией, описанием внешности на нескольких уровнях отличаются формульные выражения бурятского эпоса, тогда как для эпоса ойратов и халха-монголов присущи употребление более лаконичных констант и менее подробные описания. Характер формирования этнопоэтических констант, их общей основы и в то же время разнообразия и уникальности вариантов во многом были обусловлены геоландшафтными особенностями территории проживания, хозяйственно-бытовым укладом, этнокультурными особенностями монгольских народов. Кроме того, описание женской красоты в эпосе во многом сохраняет архаичные черты, тесно связанные с бытовавшими мифологическими воззрениями.

Ключевые слова: монгольские народы, этнокультурная традиция, героический эпос, поэтика, устойчивые формульные выражения, персонаж, образ, вариативность.

В основе изображения персонажей в эпическом тексте лежат устойчивые формульные выражения, этнопоэтические константы. «Константой в эпосе может быть объемное поэтическое описание (макроконстанта) и двустигшие или устойчивое словосочетание, скрепленное ключевым опорным словом (микроконстанта)» [2, с. 8]. Макроконстанты играют сюжетобразующую роль в структуре текста и описывают более общие и масштабные явления категориального уровня. Микроконстанты характеризуют событие или объект со стороны присущей ему особенности, фрагмента, явления, в них выделяются опорные слова и раскрывается неизменность и/или вариативность той или иной поэтической конструкции. «В сюжетных блоках, в развернутых эпических описаниях иногда константным характером может обладать всего лишь одно слово, которое является опорным или связующим для “пучка” вербализованных формул, рассыпанных по всему тексту в виде “золотых зерен”» [8, с. 5].

М. И. Тулохонов указывал, что «общие места», или типические формулы (или константные единицы) — стилеобразующие приемы, характерные для бурятских улигеров, которые можно назвать «основой» или «несущей опорой, связующими узлами» словесной ткани улигеров. Они выполняют функцию постройки эпического сказания, выступая качественными единицами поэтической системы улигеров и буквально пронизывая всю их струк-

туру. Дар мастерства сказителя, его владение поэтической речью определяется наличием в улигерах устойчивого набора типических формул, которые в совокупности и создают уникальное, оригинальное, напряженное в эмоционально-повествовательном плане эпическое произведение [6, с. 33].

Изображение внешности персонажей в эпосах монгольских народов имеет свои особенности. В архаическом эпосе образы героя/героини, будучи своего рода сгустками сакрального и профанного, контаминацией представлений древнего коллектива об идеальном человеке, первопродке, культурном герое, несли в себе понятия крепкого здоровья, физической силы, выносливости. К этому добавлялась гиперболизация, которая на раннем этапе придавала описываемым событиям и явлениям грандиозный вселенский масштаб и исключительность, избранность образу эпического героя-богатыря (богатырки), лишь в более позднем контексте став одним из показателей «глухой силы» и усиливая негативную характеристику отрицательных персонажей.

С развитием эстетической категории в системе эпической поэтики появляется более поэтический и возвышенный портрет. Герой, но чаще всего героиня (невеста-суженая, жена, небесная дева-воскресительница) обладают невиданной красотой, сочетающей реальные и фантастические черты. И также гиперболы пронизывают каждое описание, употребляются почти в каждом формульном выражении. Гиперболизируются описание красоты, воздействие красоты на окружающих, умения и мастерство, голос, одежда и снаряжение и т. д. В ранних эпических текстах представления о внешней красоте персонажа и его восприятие на положительном нравственно-этическом уровне чаще всего не отделены друг от друга. «Красивое» соотносится с понятиями «хорошее», «доброе», «наше» и передает позитивное начало. Но эпос знает и иные (возможно, более поздние) оценочные суждения, передающие понятия «зло под личиной красоты», «красота как завлекающий в ловушку обман». Тем не менее описание женской красоты в эпосе во многом сохраняет архаичные черты, тесно связанные с бытовавшими мифологическими воззрениями, что выявляется при анализе традиционных формул.

Одним из наиболее распространенных и устойчивых константных выражений является следующее:

Цааран хэлэхнь —
Цаад далан жирмаг тоолгдм,
Нааран хэлэхнь —
Наад далан жирмаг тоолгдм
«Джангар» [3, с. 14, 200]

Посмотрит туда — [в сиянии ее]
Мелких рыб дальней реки можно сосчитать,
Посмотрит сюда —
Мелких рыб ближней реки можно сосчитать.

Халхаский эпос:

Наашаа харахаараа
Нар сарны гэрлийг дарсан
Цаашаа харахаараа
Цаад уулыг гэрэлтүүлсэн
«Алтан Гургалдай» [9, с. 38]

Посмотрит сюда —
затмевает свет солнца и луны,
посмотрит туда —
освещает дальние горы.

Четверостишие с описанием света/сияния и воздействия его на окружающую действительность является константной основой. Его можно разделить на две части, но тогда потеряется внутренняя логическая связь, поскольку здесь два двустихия объединены по принципу вариативной синонимии. Используется прием постепенного развертывания изображения — вначале описывается одно явление, затем с использованием тех же детерминант с небольшим варьированием второе, почти идентичное. Восприятие образа происходит на зрительном уровне. Общим опорным словом, при помощи которого скрепляются части формулы, в калмыцком и халхаском примерах являются предикаты — *харахаараа* и *хэлэхнь* от монг. *харах* со значением ‘смотреть’ и калмыцкого с тем же значением. Действие определяет следующее действие, которое представляется как результат, и во второй части формулы опорным словом опять выступает глагольная форма. В халхаском тексте это *гэрэлтүүлсэн* от монг. букв. ‘осветившая’ и как синонимичный вариант — *гэрлийг дарсан* монг. букв. ‘подавившая свет’. В контексте это словосочетание имеет значение необычного яркого сияния, затмевающего даже свет небесных светил. В калмыцком глагольная форма *тоолгдм* ‘можно сосчитать’ указывает на возможность действия, его опосредованное выражение.

Несколько иное устойчивое сочетание, но выражающее те же представления о свете, исходящем от героини, встречается в бурятском эпосе:

Баруун хасариин толондонь	От света правой ее щеки
Баруун тайга гэрэлтэбэ,	западная тайга освещается,
Зүүн хасарын толондонь	от сияния ее левой щеки
Зүүн тайга гэрэлтэбэ.	восточная тайга озаряется.

«Хан Сэгсээ Мэргэн» [10, л. 4]

В бурятском тексте опорным словом первой части типической формулы выступает существительное *толондонь* ‘при лучах, от лучей’. При этом вторая часть также несет в себе значение испытываемого воздействия, интерпретируемого как следствие, результат.

В корпусе текстов можно найти вариации этих формул — либо более развернутые или, наоборот, минимизированные, либо разное вербальное воплощение одних и тех же явлений и действий.

Бурятский эпос:

Баруун хасриин толондо —	При лучах от правой ее щеки
Баруун тайгайн амитан	люди западной тайги,
«Үүр сайгаа» гэжэ	говоря: «Заря занимается»,
Бодожо байжа	встают
Агналгаяа хэбэ,	и охотиться начинают,
Зүүн хасриин толондо —	при лучах от левой ее щеки
Зүлхэ уһани улад	люди Лены-реки,
«Үүр сайгаа» гэжэ	говоря: «Заря занимается»,
Бодожо байжа	встают
Загаһаа шүүбэ!	и рыбу ловить начинают!

«Алак Булак басаган» [7, л. 564–565]

Ойратский эпос:

Гэрэлд нь үйл барим
Гэгээнд нь адуу маннам
«Арван тавтай Арал мэргэн» [4, с. 59]

При свете ее можно дела делать,
При сиянии ее можно табуны пасти.

Калмыцкий эпос:

Gegaa'ndni uu bar'me
Gereldeni adu manm
«Джангар» [8, с. 88]

В сиянии ее (красоты) можно заняться рукоделием,
в свете ее (красоты) можно табуны пасти.

Во всех вариантах сохраняется постепенное разворачивание действия, при этом халхаский и калмыцкий эпосы дают картину выраженной предикативно-динамики субъекта, поскольку описания, в которых героиня смотрит сюда или туда, и от этого освещаются горы/стены/местность, можно сосчитать предметы, встречаются в процентном соотношении в текстах гораздо чаще, чем прочие. Калмыцкие константы, кроме того, передают значение возможности совершения действия безотносительно к актанту. Бурятские сравнительно статичны, более или менее выраженное действие происходит вне зависимости от описываемого субъекта или относится к третьей стороне — от исходящего от щек света озаряется тайга и люди, люди начинают повседневные дела. Ойратская формула почти предельно лаконична и по смыслу близка к калмыцким, выражая возможность действия. Кроме того, в бурятском эпосе неизменно упоминаются щеки и в целом лицо как источник света, в калмыцком и халхаском акцент делается на взгляде.

Приведенные в качестве примеров формулы описания красоты как света, исходящего от героини, носят развернутый и продуктивный характер и семантически целостны. Художественная вариативность, при помощи которой сказитель выражает мысль, позволяет, не допуская полного повтора одних и тех же предложений, с прибавлением новых мелких деталей и подробностей наиболее полно и выпукло нарисовать эпический портрет. Обычно используется двукратная (простая) или многократная (сложная) фразовая синонимия, позволяющая воспринять смысл через эмоциональное и эстетическое воздействие.

Свет/сияние также может выражаться путем подбора сравнений, и в этом случае микроконстанты представляют собой устойчивые словосочетания. Сравнение обычно идет с небесными объектами, соотносящимися с блеском, свечением, лучами и т. д.:

Калмыцкий эпос:

Нарн сарн болсн сээхн күүкн
«Джангар» [3, с. 111, 122, 229, 309]

Девушка, прекрасная, как солнце и луна.

Бурятский эпос:

Хоолзуураарин хархада,
Нара харама шинги,
Хоолойгоорин хархада,
Нара харама шинги
«Хан суутай хаани Хабтаалжан Мэргэн хүбүүн» [1, с. 96]

Под подбородком если смотреть,
словно месяц просвечивает,
сквозь горлышко если смотреть,
словно солнышко просвечивает.

Ойратский эпос:

Магнайгаас нь нар мандаж,
Санмайгаас нь сар туяарч
«Арван тавтай Арал мэргэн» [4, с. 59]

Изо лба ее солнца всходило,
Из-под волос на лбу ее луна испускала лучи.

Калмыцкая формула дает скрытое сравнение, тогда как в бурятских употребляются сравнительные послелого *шэнги*, *шиги*, аффикс *-дли*. Кроме того, бурятские варианты более развернуты и передают совершение действия или приложение каких-либо усилий со стороны второго или третьего лица. Ойратская формула предлагает не столько сравнение, сколько метафору, позволяющую создать образ, основанный на ярких ассоциациях.

Встречаются иные вербальные константы со значением света/сияния.

Ойратский эпос:

Гэр нэвт гэгээтэй,
Гэрэл ягаан хацартай
Туурга нэвт туяарсан
Тунсаг ягаан хацартай
«Үүлэн тив» [5, с. 309]

Имеющая свет, пронизывающий юрту,
имеющая сияющие розовые щеки,
имеющая лучи, пронизывающие стены,
имеющая светло-розовые щеки.

Халхаский эпос:

Гурван төрлөө мэдэх
Гундан ягаан хацартай
Туурга нэвт туяарсан
(тунамал) ягаан хацартай
Гэр нэвт гэрэлтэй
Гишүүн улаан хацартай
«Алтай Ноён Галуу хүү» [9, с. 31]

Знающая три своих рождения,
имеющая бело-розовые щеки,
лучами своими пронизывающая стены насквозь,
имеющая прозрачно-розовые щеки,
имеющая свет, пронизывающий юрту,
имеющая чистые розовые щеки.

В обоих вариантах, как и в приводимых ранее бурятских формулах, акцент делается на щеках и, видимо, в целом на лице как источнике света. Возможно, лексемы *хацар* ‘щека’, *гэрэл* ‘свет, сияние’, *туяа* ‘луч’ можно признать константными единицами, общими для монгольских народов.

Все приведенные формулы несут в себе понятие о свете, исходящем от эпической героини, связанное, по всей видимости, с солярным культом и представлениями о женщине-хранительнице жизненного начала, соотносящегося с теплом и светом небесных светил.

В эпическом нарративе микроконстанты могут встречаться самостоятельно, вполне образно характеризую субъект, явление или действие. Но они могут и сцепляться друг с другом, контаминироваться, варьировать незначительные фрагменты, т. е. образовывать макроконстанты, и в целом создавать емкий и яркий образ, воспроизводимый слушателем или читателем на визуальном уровне. Наибольшей развернутостью, подробностью и детализацией, описанием на нескольких уровнях отличаются константные формульные выражения бурятского эпоса. Развернутые описания также встречаются в калмыцком эпосе, в то время как для эпоса ойратов и халха-монголов характерны более лаконичные константы и менее подробные описания.

Таким образом, в константных формулах выявляются детали, характерные для бурят, калмыков, ойратов, халха-монголов в целом и для каждого народа в частности. Так, мы выделили, что общим и константным является понятие света, исходящего от героини — ее лица, взгляда или в целом от всего облика, связанное с солярным культом. При этом воздействие этого сияния/красоты на субъекты и объекты действительности у разных народов оформляется при помощи разных выражений.

В поэтических картинах, созданных сказителями разных народов, легко различить этнокультурные особенности разных народов. В бурятских устойчивых выражениях, в которых упоминаются лес и тайга, река Лена, повседневные дела — ловля рыбы, охота, доение коров и кобылиц, четко определяется таежная и лесостепная зона Предбайкалья, определившая хозяйственный уклад и быт бурятских родов и племен, расселившихся на этой территории. Бурятский эпос отражает во многом архаичное мифологическое мировоззрение своих творцов и носителей. Халхаские формулы не менее определенно воссоздают степной ландшафт и кочевнический образ жизни — простор степей с дальними горами на горизонте, замкнутый и в то же время цельный мир внутри юрты, природную философскую созерцательность и наблюдательность кочевника. В ойратских и калмыцких константах упоминаются горы Алтая, реки, пасущиеся табуны, прослеживается очевидное буддийское влияние. Таким образом, можно утверждать, что геоландшафтные особенности территории проживания, хозяйственно-бытовой уклад, этнокультурные особенности монгольских народов во многом обусловили характер формирования этнопоэтических констант, их общей основы и в то же время разнообразия и уникальности вариантов.

Литература

1. Балдаев С. П. Бурят арадай аман зохоолой түүбэри. — Улан-Удэ, 1960. — 410 с.
2. Дампилова Л. С. Этнопоэтические константы в улигере «Еренсей» Маншута Имегенова // Труды Национального музея Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 2014. — Вып. 1. — С. 7–13.
3. Джангар. Калмыцкий героический эпос. — М., 1990. — 480 с.
4. Ойрад монголын аман зохиолын дээжис. — Улаанбаатар, 1994. — 143 с.
5. Ойрад-монголын баатарлаг тууль. — Улаанбаатар, 2011. — 444 с.
6. Тулохонов М. И. Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн». — Новосибирск, 1991. — 321 с.
7. Унгинский эпос. Улигеры унгинских бурят в записи Г. Д. Санжеева // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общий фонд, инв. № 2224/
8. Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). — Ростов н/Д., 2006. — 255 с.
9. Халх ардын тууль. — Улаанбаатар, 1991. — 173 с.
10. Хан Сэгсээ Мэргэн // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36, оп. 1, инв. № 254.

Explicit expressions describing female beauty in epics of the Mongol peoples

Natalya N. Nikolaeva

PhD in Philology, Senior Researcher, Department of Literature and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article deals with sustainable explicit expressions describing female beauty in epic of the Mongol peoples. We have revealed constant formula common for the Buryats, Kalmyks, Oirats, Khalkha-Mongols as a whole and for each of the people in particular. Explicit expressions of Buryat epic is characterized by detailed description of appearance at several levels, while to epics of the Oirats and Khalkha Mongols more concise constants and less detailed descriptions are inherent. The nature of formation ethno poetic constants, their common basis and at the same time the diversity and uniqueness of variants are predominantly caused by geo-landscape peculiarities of the territory of inhabitation, the way of life, ethnic and cultural features of the Mongol peoples. In addition, the description of female beauty in epic retains much of archaic features which are closely associated with the existed mythological views.

Keywords: the Mongol peoples, ethnic and cultural traditions, heroic epic, poetics, sustainable explicit expressions, character, image, variability.

References

1. Baldaev S. P. *Buryat aradai aman zokheoloi tuuberi* [Collection of Buryat Folklore]. Ulan-Ude, 1960. 410 p.
2. Dampilova L. S. Etnopoeticheskie konstanty v uligere «Erensei» Manshuta Imegenova [Ethno poetic Constants in Manshuta Imegenov's Uliger «Erensei»]. *Trudy Natsional'nogo muzeya Respubliki Buryatiya — Proceedings of The Buryat Republic National Museum*. V. 1. Ulan-Ude, 2014. Pp. 7–13.
3. *Dzhangar. Kalmytskii geroicheskii epos* [Dzhangar. Kalmyk Heroic Epic]. Moscow, 1990. 480 p.
4. *Oirad mongolyn aman zokhiolyn deezhis* [Selected Samples of Oirad Mongol Folklore]. Ulaanbaatar, 1994. 143 p.
5. *Oirad-mongolyn baatarlag tuul'* [Oirad Mongol Heroic Epic]. Ulaanbaatar, 2011. 444 p.
6. Tulokhonov M. I. Buryatskii geroicheskii epos «Alamzhi Mergen» [Buryat Heroic Epic «Alamzhi Mergen»]. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka — Monuments of Folklore of the Siberian and Far East Peoples*. Novosibirsk, 1991. 321 p.
7. Unginskii epos. Uligery unginiskikh buryat v zapisi G. D. Sanzheeva [Unga Epic. Uligers of the Unga Buryats in G. D. Sanzheev's Recording]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN — Center of Oriental Manuscripts and Xylographers IMBS SB RAS*. General fund. Inv. number 2224.
8. Khabunova E. E. *Geroicheskii epos «Dzhangar»: poeticheskie konstanty bogatyrskogo zhiznennogo tsikla (sravnitel'noe izuchenie natsional'nykh versii)* [The Heroic Epic «Zhangar»: Poetic Constants of Bogatyr's Life Cycle (a comparative study of national versions)]. Rostov-on-Don, 2006. 255 p.
9. *Khalkh ardyn tuul'* [Khalkh Heroic Epic]. Ulaanbaatar, 1991. 173 p.
10. Khan Segsee Mergen. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN — Center of Oriental Manuscripts and Xylographers IMBS SB RAS*. Fund 36. Op. 1. Inv. number 254.